

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВА

ЧЕТЫРЕ САМОЛЕТА

до счастья с пересадками

Короткий метр

Наталья Алексеева

Четыре самолета

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.121.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Алексеева Н. В.

Четыре самолета / Н. В. Алексеева — «Эксмо»,
2019 — (Короткий метр)

ISBN 978-5-04-100010-3

Есть такой статус отношений в Фейсбуке: все сложно. У героини Натальи Алексеевой этот статус – пожизненно. Влюбилась в друга по переписке, ради него преодолела сотни километров и, прилетев в Париж, обнаружила, что он глубоко и счастливо женат. Как жить с этим и не сойти с ума? И там ли счастье, где его сложнее всего достать? Можно пережить страсть, но жить в ней постоянно – нельзя. Истории Натальи Алексеевой – не о романтической мечте, а о том, что счастье случается после ее краха.

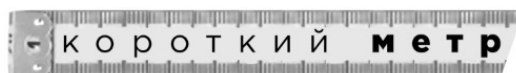
УДК 821.121.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-100010-3

© Алексеева Н. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Четыре самолета	5
Первый самолет	5
Второй самолет	8
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Наталья Алексеева

Четыре самолета

Четыре самолета

Первый самолет

Ночь накануне моего отъезда в Париж была не простой. Такую ночь в романах принято описывать как ночь *особую*. Ветер с Финского залива был сильным и требовательным. Кажется, минута-другая, и он высадит оконное стекло. Бесконечная чернота поглотила дома, деревья и даже небо с низкими тучами. Еще бы: завтра должно было произойти нечто. Потому я не спала. И тряслась из-за ветра, темноты и из-за того, что мне предстояло. Это был не просто Париж, а начало совершенно другой, новой жизни, подтвержденной документально: на дне моей сумки лежали авиабилеты, паспорт и страховка.

О Давиде я знала очень мало, несмотря на то что наша переписка длилась почти полтора года. И в трехстах восьмидесяти четырех письмах при желании можно было изложить полную биографию – его и всех его предков до десятого колена. Но реальной информации о нем совсем чуть-чуть. У меня было только его имя и пестрый ворох разрозненных, противоречащих друг другу фактов из его жизни. А самое главное, что было у меня, это обещание, данное им. Оно было иллюзорным, неясным, но очень важным для меня: ведь я тогда только что проиграла свою первую большую битву на личном фронте. В одном из писем Давид пообещал мне, что станет моим другом, моей землей, моей крепостью. Мне это и было нужно: чтобы меня вынесли с линии огня, увезли с передовой и спрятали в надежной крепости. Правда, все было не просто: в его крепости уже были надежно укрыты его жена Камилла и дочь Изабель. И нужно отдать ему должное, в отличие от большинства мужчин на его месте, он не утверждал, что с женой его связывали формальные отношения, переходящие в ненависть, и что живет он с ней только ради дочери. Напротив, с каждым его новым письмом я понимала, что он обычный счастливый муж и совершенно обычно любит свою жену. И в Париж, на Рождество, в долгие-долгие гости, меня пригласили в обычное счастливое семейство. Это уже потом стало ясно, что семейство не было обычным. И в первую очередь, из-за его жены Камиллы.

Так кого же пригласило это семейство к себе на Рождество? Кем была я в тот момент? Я сама не знала. Хотя если честно, когда получила приглашение прилететь в Париж, я была на седьмом небе. Как будто мне, наконец, купили большой торт.

Вы можете презрительно хмыкнуть. Мол, чего только не наобещает мужчина, желающий хоть чуть-чуть разнообразить свою семейную жизнь. Может быть, вы были бы правы. Но разве вся эта правда сделала счастливым хотя бы одного человека?

А вот эти письма сделали. По крайней мере, меня.

2

Из переписки Маши и Давида

Давид – Маше

Милая мадемуазель, ласковая, лазурная!

Откуда вы взялись здесь? Какому ветру поклониться за то, что дул в ваши паруса, и за то, что вы оказались здесь? Я читаю каждое слово в вашей статье о старинных стульях и наслаждаюсь изысканным стилем. И хоть я осознаю собственную дерзость, что обращаюсь к вам так запросто, однако ничего не могу с собой поделать. Вас так и зовут – Маша? Я буду звать вас Мари. Ответьте что-нибудь лично мне.

Снимаю шляпу перед вами, вашим слогом и навожусь везде генеральную уборку,

Маша – Давиду

Добрый вечер, уважаемый Д.!

У вас удивительно короткое имя.

Хм... Лазурная – это же почти синяя. Зачем вы меня так? А впрочем, здравствуйте! Вы сегодня для меня стали забавной находкой. Ветру можете кланяться любому. Это мило и по-язычески. Мари? Зовите Мари. Вы живете в России?

И, кстати, я не мадемуазель, а мадам.

Медитирую на закат,

С уважением, Мария

Давид – Маше

Доброе утро, обожжаемая Мадам!

Открою секрет: я сегодня танцевал! Да-да, танцевал под Вивальди! Потому что я, сонный и лысый, утром открыл свой почтовый ящик и вуаля: Ваше письмо! А лазурная – это действительно «почти синяя», так мне сказал сегодня словарь. Низжайше прошу прощения, я думаю, что если вы будете немного меня учить, то я быстро всему научусь. Вы спрашиваете, живу ли я в России. Знаете, там, где я родился, так вольно и так сладко поется, но... там расстреливали людей и надежды. Теперь я здесь. Здесь тоже любят вино, и тоже, если повезет, можно идти все время в гору. АД. – это Давид. Но Вы можете придумать другое имя. А можете и не придумывать. Заметьте, я не задаю вам вопросов. Я разрешаю вам быть.

Засим откланиваюсь,

Маша – Давиду

Мир Вашему дому, уважаемый Давид!

Я долго не писала: в моей жизни скоро прогремит гроза и, возможно, сразу пойдет снег. Но надеюсь, Вас не обидело мое молчание. Вы ведь не из обидчивых? Не знаю, где Вы живете, и к тому же Вы кажетесь мне вымышленным персонажем. Так что Вас вроде бы и нет. Вы фантом.

Мария

Давид – Маше

Милая, милая Мари!

Вам холодно? Такая холодная интонация может быть только у женщины, которой очень холодно. Я мог бы вас согреть. Поймите меня правильно. Я не люблю пошлости. Я мог бы за минуту развеселить Вас одним фокусом, одним стихотворением, одним прыжком. Позвольте мне сегодня стать огнем Вашего очага! Только напишите мне!

В настойчивом ожидании ответа,

Ваш Давид

Я то и дело смотрела на часы. Я была в квартире совершенно одна. Сына я накануне отвезла к маме. И мне здесь было уже нечего делать. Прошлое уже кончилось, а будущее еще не началось. Так каков же ты – мужчина, пригласивший меня в Париж на Рождество?

3

В эту особую ночь жизнь, наконец, вырвалась из тесной виртуальной клетки электронных писем в реальное пространство. Она, как ей и полагается, обросла именами, датами, фактами. Каждая мелочь сама по себе была счастьем. И что бы ни случилось – пусть будет как будет. Мне годился любой сценарий развития событий.

Важно было одно: сегодня, десятого декабря, мой самолет вылетает из Пулково. Ровно в восемь утра. Поэтому уже в пять желтое такси подъехало к моему подъезду, чтобы птицей пролететь по бесснежному морозному Питеру и доставить меня к рейсу «Петербург – Париж».

Давид в это время наверняка еще спал, повинуюсь желанию Парижа, погруженного в сосредоточенную ночную тишину...

Таксист припарковался у терминала, молча отсчитал сдачу, выгрузил мою сумку из багажника, пожелал мне счастливого полета и уехал. Еще час я провела в полусонном зале аэропорта и ровно в восемь утра села в самолет, чтобы впервые в жизни оторваться от земли.

Семьсот сорок седьмой оказался доверху наполненным счастьем, и все пассажиры, летевшие этим рейсом, плавали в предвкушении, как в желе.

Через три часа полета я выглянула в иллюминатор и ахнула: где-то внизу, под самолетом, *стремительно увеличивала свой масштаб карта Парижа и на моих глазах превращалась в квадраты жилых кварталов. Затем карта обернулась взлетно-посадочной полосой, самолет коснулся земли, и моему взору предстал аэропорт Шарля де Голля.*

Пройдя все положенные иностранным туристам формальности, я, словно во сне, поймала на багажной ленте свою сумку, и толпа вынесла меня к нему, к Давиду. Мне не пришлось ни искать его, ни узнавать. Я как будто знала его с доисторических времен, как будто знала всегда. Мы обнялись. Теплый влажный парижский ветер запутался в моих волосах, и я с головы до ног наполнилась предвкушением чего-то. В белом «Ситроене» Давида мы ехали молча. Все, что можно было сказать в письмах, мы уже сказали, а реальность только начиналась, в ней еще ничего не произошло.

Второй самолет

1

Дверь нам открыла высокая молодая полноватая темноволосая женщина в очках. Камилла. Я представляла ее себе совсем не так. В ее образе не было ничего французского, тем более парижского. По крайней мере, того, что я на тот момент считала французским или парижским. Она серьезно взглянула на нас и спросила мужа по-русски, почти без акцента:

– Давид, это и есть твоя новая русская женщина?

– Да. Это она. Мари. Не Мерлин Монро, конечно. Но тоже ничего, – неожиданно сказал Давид то ли в шутку, то ли всерьез. И моментально растворился в недрах квартиры, по всей видимости, предоставив мне возможность наводить мосты с его женой.

– Добро пожаловать, Мари! – сказала Камилла ласково, кажется, желая компенсировать бестактность Давида. В ту же секунду раздался грохот: крошечная девочка опасно приблизилась к нам, волоча за собой по полу огромную кастрюлю.

– Бонжур, – сказала мне девочка и сосредоточенно проследовала мимо вместе со своей кастрюлей.

– Привет! – ответила я ей вслед.

Мой русскоязычный, то есть совершенно непонятный «привет» показался маленькой Изабель подозрительным, и она, грохоча, вернулась, чтобы еще раз взглянуть на меня.

Камилла тем временем уже всю хлопотала на кухне, оставив меня приглядываться, приюхиваться и искать свое место в этом доме, который на несколько недель стал и моим домом.

2

Во время обеда Камилла была удивительно мила, Давид непринужденно острил, но я была напряжена так, что даже обнаружила свои пальцы вцепившимися в обивку стула. Лишь время от времени меня отвлекала Изабель, которая отказывалась принимать тот факт, что я не говорю ни на одном из известных ей языков. Она попеременно пела и читала мне стихи то по-грузински, то по-французски и наблюдала за моей реакцией. Но довольно скоро ей все это наскучило, и она ушла играть в свой уголок.

Меня тем временем одолела резкая головная боль, прочно угнездившаяся в правом виске. Давид и Камилла сжалились надо мной и постелили мне в своей спальне, чтобы я могла прийти в себя. Но лежа на их супружеской кровати, я совершенно не могла уснуть. Мое двусмысленное положение здесь обрушилось на меня как ливень. Я терла висок рукой и, под стук невидимого молотка в правом виске, мучительно соображала, как же дальше быть.

К тому же интерес Изабель ко мне проснулся вновь, и в дверь то и дело просовывалась любопытная мордочка девочки. И потом, отбегая в соседнюю комнату, она громко спрашивала у матери по-французски: «Кто это?» От этого вопроса у меня холодели руки и ноги, меня охватывал ужас, потому что я сама не знала, кто я здесь и зачем. Но Камилла громким шепотом отвечала дочке: «Это друг папы». Что ж... Хоть какая-то ясность. Я успокоилась и даже на некоторое время задремала, то и дело повторяя про себя как мантру: «Я – друг папы».

3

Утро моего первого парижского дня началось в шесть часов с дикого вопля Изабель по-французски, а значит, обращенного к матери: «Я хочу есть!! Где мое молоко?» Заспанная Камилла вбежала в гостиную, совмещенную с кухней, туда, где я спала, и, пока грелось молоко, сунула в руки орущей дочке внушительный кусок хлеба. Я была ошарашена таким началом дня, поэтому немедленно проснулась и с интересом наблюдала первую в своей жизни утреннюю парижскую сцену.

Изабель с энтузиазмом откусила примерно половину багета, затем получила из рук матери бутылочку с подогретым молоком. Она пила молоко, громко причмокивая и напевая что-то на своем грузинско-французском детском наречии. Камилла, одетая в трогательную хлопчатобумажную ночную рубашку, вручила дочери кусок козьего сыра. Малышка еще некоторое время пиновала, но сладкий утренний сон сморил ее прямо на стульчике. Она заснула, крепко сжав в одной руке хлеб, а в другой – сыр. Камилла извинилась «за этот традиционный утренний шум» и унесла дочь в кровать. В квартире снова воцарилась тишина.

Я вспомнила сына, оставленного с моей матерью. Сейчас он еще наверняка спал, и я живо представила, как он вздрагивает и бормочет во сне, держа под мышкой своего потрепанного плюшевого льва. Захотелось плакать. За стенкой Камилла тихо напевала песенку, успокаивая расплакавшуюся Изабель, и от этой песни, от низкого голоса Камиллы я заснула крепким предрассветным сном.

Через пару часов улица проснулась и заговорила всеми городскими голосами одновременно: стук каблучков, разговоры, сигналы и сирены, свист и громкие восклицания уборщика-алжирца... Даже сквозь сон, сладкую дремоту мне было хорошо и спокойно в этот час, в этом доме, под теплым, почти невесомым одеялом. Неожиданно теплые декабрьские солнечные лучи, мягкий голос Камиллы, нежное лепетание Изабель, которую мать одевала для прогулки... После всех бурь и потрясений последних лет я перенеслась в другую жизнь. Пусть в качестве зрителя, пусть не в свою, но все же в ту, о которой мечтала.

4

Около восьми утра мать и дочь отправились на прогулку в парк. Мы с Давидом остались одни.

Давид ходил в ближайшую лавку за хлебом, молоком, сливочным маслом и ветчиной. И пока он хлопотал по дому, я делала вид, что сплю, а сама из-под одеяла наблюдала за ним.

Он вскипятил воду и заварил в потрескавшемся чайнике зеленый чай. Поджарил тосты, раздражив меня ароматом горячего хлеба. Немного подумал и красиво разложил их на тарелке с золотой каймой. При этом время от времени он бросал на меня внимательный взгляд.

Я лежала на боку, свернувшись калачиком. И чувствовала себя совершенно счастливой от этого пристального изучающего взгляда. Несколько минут я боролась сама с собой. С одной стороны, мне хотелось продолжать быть объектом его наблюдения, а с другой стороны, я чувствовала бешеную радость, что буквально через пару минут я встану и мы продолжим наши с ним странные, никому не понятные разговоры. Только (о боже!) не в письмах, а в реальной жизни. В конце концов, мое нетерпение достигло максимальной точки, я сделала вид, что только что проснулась, и блеснула французским:

– Доброго вам бонжура!

На это Давид немедленно ответил:

– Скорее доброго мне матена. Так привыкли говорить местные. Впрочем, призываю вас расстаться с одеялами, омыться в нашем ручье и проследовать к столу!

Ну, конечно, наконец-то это был он! Тот, кто написал мне все эти триста восемьдесят четыре письма! Он. Остроумный, колкий и... немного мой. И от этого я испытала настоящее блаженство. Хотя его вчерашнее замечание про «не Мерлин Монро» засело где-то у меня в затылке и чуть-чуть мешало полностью погрузиться в идиллию моего первого парижского утра. Но так как наша болтовня была приправлена еще и вкусным завтраком (горячий хлеб, нежнейшая ветчина, тающее на языке сливочное масло и зеленый чай), я решила его простить. К тому же на второй чашке мне показалось, что мы знали друг друга тысячу лет.

После трапезы Давид с громким стуком положил перед мной ключ, на брелоке которого красовалась надпись по-русски «Ключик для Маши».

– Держи! Ты можешь улизнуть в любой момент, когда захочешь! Только обязательно возвращайся. Но если захочешь смыться с каким-нибудь напомаженным офисным клерком, предупреди нас, – Давид, улыбаясь, протянул мне листок с аккуратно написанными номерами телефонов – своим, Камиллы и даже их друзей, живущих в соседнем доме.

«Улизнуть с напомаженным клерком!» Он что, смеется?! Правда, на секунду я все-таки представила себе, как крадусь вдоль стены Нотр-Дам-де-Пари под ручку с изящным французиком в узких брючках. На его шее – красно-синий полосатый шарф, а чубчик модно сбит в павлиний хохолок на макушке. Образ такой яркий, что я даже, чувствуя неудобство перед напомаженным клерком, внимательно изучаю отсутствие маникюра на моих руках. Мне неловко: ведь не стану же я объяснять модному аборигену, что я как раз сейчас карабкаюсь по отвесной скале жизни наверх, к солнцу, цепляясь ногтями за микроскопические выступы, и маникюр в этих обстоятельствах делать просто бесполезно. И тут же смотрю на Давида. Он, как высоченная скала, надежный и непоколебимый. На его чистом лбу отражается парижское солнце. У меня даже срывается дыхание. Солнце и скала! Но я не выдаю себя и весело отвечаю:

– Ага. Учту!

В груди у меня поет: ну надо же! Я бодрствую только второй час, а Давид успел позаботиться обо мне уже раз двадцать. И завтрак, и ключик с биркой, и номера телефонов, и еще Давид объявил мне, что с этой секунды и до Рождества у него каникулы, которые без остатка (он картинно щелкнул каблуками) посвятит мне.

– А сейчас, – Давид театральным жестом надел на голову тонкую вязаную шапку, – первая прогулка по самому буржуазному предместью Парижа.

И наш первый парижский выход состоялся. В тот же момент у Парижа в лапах оказалась новая жертва, то есть я, которая совершенно искренне влюбилась и в Башню, и в реку, и в океан обманчиво романтичной французской речи.

5

Мои глаза жадно поедали все подробности этой улицы. Уши были в восторге от остроумия Давида. А мой ум пытался понять, как связан Париж с моей прошлой жизнью. И не мог.

Я познакомилась со своим будущим мужем в первый день учебы на питерском журфаке. Он был моим однокурсником с параллельного потока. Темноволосый, с выразительным и внимательным взглядом. Обычно я наблюдала за ним в факультетской столовой. Он мужественно хлебал суп алюминиевой ложкой, решительно откусывал от ломтя черного хлеба и большими глотками пил компот из сухофруктов. Из этого я сделала вывод, что передо мной – образец настоящего будущего журналиста: прямого, честного и порядочного. И хотя будущее показало, что я была совершенно права (Алексей с годами и стал одним из самых уважаемых репортеров Питера. Те времена – начало девяностых – требовали именно таких: отчаянных и амбициозных), все-таки сильно рисковала, делая выводы только на основании хлеба и компота.

Каждый раз, встречая Алексея в университетских коридорах и на общих мероприятиях, я чувствовала острое томление, моментально распространявшееся по всему телу. Я поняла, что

уже не могу смотреть ему в глаза. Я отчаянно краснела, и с моего языка срывались глупости. И в один прекрасный день глупости мои были им замечены, раскритикованы с пристрастием, и уже через несколько дней, на собрании, спешно созванном в связи с тогдашними политическими событиями, я уже сидела рядом с ним, тесно прижав свой бок к его боку. Надо ли говорить, что повестка дня того самого собрания довольно быстро перестала нас интересовать. Мы сбежали оттуда, дрожа от предвкушения неведомого.

Для начала мы посидели в сосисочной, что находилась неподалеку, но были изгнаны оттуда из-за отсутствия покупательной способности и зависти немолодой буфетчицы к нашему чувству, рождавшемуся прямо на ее глазах. Остаток вечера мы, очарованные друг другом, долго гуляли под проливным октябрьским дождем.

Через несколько дней мы стали неразлучны. Вместе сидели в библиотеках, писали курсовые, контрольные и рефераты, вместе были одержимы журналистикой. О ней говорили днями и ночами напролет. И даже лишили друг друга невинности в его квартире на диване, заваленном конспектами, под злободневный телерепортаж с места убийства криминального авторитета.

Уже тогда, будучи студентом, Алексей стал репортером и помощником самого знаменитого на тот момент телевизионного журналиста-экстремала, а я... Я училась, работала то в школе, то машинисткой в машинописном бюро и любила своего гениального друга. Со временем это «мы» стало чем-то само собой разумеющимся.

Мы поженились и поселились в коммуналке на Крюковом канале. Каждый продолжал заниматься своим делом: я – хозяйством, работой и учебой, а Алексей – карьерой. И хоть я без памяти любила мужа, время от времени становилось нестерпимо грустно оттого, что мне отводится место в тени. Мне тоже страстно хотелось подавать большие надежды. Однако, насколько это было возможно, уговаривала себя, что задача женщины вдохновлять мужчину на великие дела, и, как могла, самоотверженно варила борщи и стирала белье. Лишь по ночам я позволяла себе писать очерки, которые никому не показывала, боясь сравнения с гениальным мужем.

Алексей с упоением занимался выбранным делом. Получив диплом, сразу занял серьезную должность шеф-редактора на петербургском телевидении.

Времена тогда были тревожные, для журналистов опасные. Но Алексей чувствовал себя в этой обстановке как рыба в воде: он был полон смелых планов и амбиций. Он блистал. Его работу заметили московские телевизионщики, через некоторое время, когда нашему браку стукнуло ровно четыре года, его пригласили на один из московских телеканалов.

Я все это время испытывала гордость за любимого, но не замечала, как тоска и одиночество постепенно накрывали меня черным крылом. Алексей же, предчувствуя грядущие перемены, летал как на крыльях. Мне не хотелось ехать в Москву – туда, где не было родных и друзей, где была лишь *его* карьера и *его* успехи. Но все равно готовилась к переезду и поддерживала мужа в его мечтах о новой жизни в Москве и о том, как наша жизнь засверкает новыми красками.

И мы переехали. А через две недели после переезда в Москву я поняла, что беременна. Как же мы были счастливы! И в этом самом чистом в моей жизни счастье было забыто все, что не относилось к нашему будущему малышу. Где-то гудела и суежилась Москва, а я шила, вязала, гуляла и прислушивалась к собственным глубинам, в таинственных водах которых обитало наше дитя.

Алексей зарабатывал уже достаточно, и мне не нужно было работать. Я полностью сосредоточилась на чудесном ожидании.

6

Это было счастливое время. Лишь время от времени мне становилось грустно: мужа я видела только по ночам. Здесь, в Москве, он стал популярным криминальным репортером, и ни одно профильное событие не обходилось без него. Его начали узнавать на улицах, он был вхож в кабинеты высокопоставленных чиновников, и дамы всех возрастов были без ума от его дерзости и обаяния. Он быстро погрузился в эйфорию от своих успехов. К тому же стал настоящим красавчиком: научился носить костюмы и галстуки, ботинки его блестели, как зеркало, а дорогая машина дополняла его образ успешного журналиста. Конечно, еще где-то внутри он был все тем же борцом за справедливость, но суета, забота о карьерном росте и редакционные интриги постепенно делали свое дело. Я же была погружена в мир простых и естественных женских радостей ожидания ребенка. И мы еще больше отделились друг от друга, словно неведомая сила растаскивала нас по разным углам вселенной.

Но в те дни не только работа мужа стала моей соперницей. Все чаще он отправлялся на ночные редакционные задания. Все чаще, оказавшись дома, бесконечно с кем-то разговаривал по телефону, закрывшись в ванной или выйдя на балкон.

В один прекрасный сентябрьский день родился сын. Ярослав, Ярик. Когда Алексей в первый раз держал сына на руках, он, не стесняясь, плакал от счастья. А когда мы вдвоем смотрели в синие бездонные глаза нашего ребенка, мы снова переполнялись любовью, как когда-то. Светловолосый малыш, похожий на нас обоих, полностью завладел нашим вниманием. Он был энергичным, любознательным, жизнерадостным, много улыбался и даже лежа пытался танцевать. Он был самым главным нашим сокровищем.

Но через пару месяцев муж снова все чаще не оказывался дома. Его командировки, съемки, совещания, а потом и значительное повышение (он стал редактором большой новостной программы) полностью исключили его пребывание дома. Каждый день я засыпала и просыпалась без него. Я заботилась о Ярике, была рада своему материнству, но мучительно тосковала по мужу и выбивалась из сил из-за этой тоски. Внутри себя я чрствовала нарождающуюся настоящую женскую силу – изначальную, огромную, ту, которая пришла на смену девичьему куражу и наивной простоте. Но муж этого не замечал. Я винила себя, свою постоянную усталость, и при этом чрствовала тяжелую обиду на мужа: он был свободным и успешным, а я измочаленная, отощавшая, с потухшим взглядом, довольствовалась лишь жалкими крохами его внимания.

Иногда, собрав волю в кулак, я старалась привлечь к себе внимание Алексея. Но мне это было уже не под силу. Алексея окружали самые красивые женщины известного московского телеканала, которые были для него ларчиками, доверху набитыми драгоценностями. Я же казалась ему давно прочитанной черно-белой газетой, в которой уже невозможно найти ни одной сенсации. Алексей, целыми днями и ночами варившийся в самом оживленном рабочем котле страны, хотел сенсаций и ярких переживаний. Когда у него начался роман с известной телеведущей – эффектной блондинкой, – он не скрывал от меня свою связь, то и дело оставался ночевать у своей любовницы и дома появлялся только пару раз в неделю.

Алексеему ничего не хотелось менять: он любил сына, и реноме семейного человека прекрасно ему подходило. Любовница отлично выполняла роль отдушины, да еще и помогала в его служебном росте. Так что жизнь его полностью была подчинена карьере.

7

За окнами шумела так и не ставшая за четыре года родной Москва. Мои близкие и друзья были далеко, в Петербурге. А здесь, в этом бескрайнем и холодном, как Северный Ледовитый океан, перенаселенном городе, мне так и не нашлось места...

Однажды, вернувшись домой, Алексей не нашел нас с сыном дома. Мы вернулись в Питер, без предупреждения, оставив на столе записку: «Прости. Не ищи меня».

* * *

Заняв у подруги денег, я сняла квартиру и устроила Ярика в детский сад. Осталось решить вопрос с работой.

Вооружившись своим дипломом, я обивала пороги всех известных мне редакций. Но везде получала один и тот же ответ: «Покажите ваше портфолио». Портфолио у меня не было. Ведь раньше в нашей семье был только один достигший успеха журналист, и это не я.

День и ночь я рассылала свое резюме, но все было безрезультатно. Меня нигде не хотели видеть. Я взялась за репетиторство: благо уже наступил сентябрь, и каждый день я вбивала в головы скучающих школьников премудрости русского языка. Но эта работа была не по мне, и мы вместе с моими учениками лишь отбывали эту повинность – каждый со своей стороны.

Однажды мне повезло: позвонили из журнала «Деловая столица» и предложили стать их штатным корреспондентом. Первая высота в новой жизни была взята. Я была бы довольна, если бы не вина перед Яриком и неизвестно откуда взявшиеся регулярные приступы аритмии, когда сердце колотилось, как зверь, заточенный в клетку.

Ярик тосковал по отцу. Задумчивый, он сидел среди игрушек и задавал мне вопросы, от которых хотелось бежать на край света. Но бежать я не могла. Целыми днями мне нужно было сидеть в редакции или бегать по интервью, а потом, ночами, писать свои статьи. Правда, сердце все чаще выстукивало свой странный ритм, и все чаще мне хотелось просто лежать, повернувшись лицом к стенке. Я не могла смотреть на себя в зеркало: там, в его глубине, поселилась старуха с серым изможденным лицом.

Я отчаянно завидовала соседским семьям. Мамаши удовлетворенно гуляли с детьми во дворе; папаши удовлетворенно пили пиво на балконах. Ночами за стенками они кричали в любовном экстазе или оглушительно выясняли отношения. И это были звуки жизни. А я тихо сходила с ума от пустоты. Все больше погружаясь в добровольную изоляцию, иногда даже боялась сойти с ума от одиночества и страха перед будущим. Порой я боялась выходить на улицу, потому что именно там, среди людей, в моем сердце снова поселялся тот странный ритм... Все чаще сердобольные прохожие вызывали «Скорую помощь», чтобы я могла получить свой спасительный укол, от которого по телу разливался жар и можно было как-то жить дальше.

Вот тогда-то и появился он. Давид.

8

Все началось с моей статьи о старинных стульях. Одна антикварная галерея заказала редакции материал о классическом венском стуле. Редакция поручила эту работу мне. Я, давно тосковавшая по возможности написать что-нибудь оригинальное, получила такую возможность. Честно поработала три дня в библиотеках, и на свет появилась статья. Из-за того, что я допустила неточность, описывая тот самый стул, статья получила гневный отклик читателя по имени «Мистер Гималайский». Шеф-редактор вызвал меня на

ковер и отчитал. Я, разъяренная энтузиазмом знатока стульев, послала этому неведомому «Мистеру Гималайскому» свой взгляд на его отклик. А в ответ я получила вот это:

«Дорогая Мадам! Я так сожалею о том, что мое дурацкое письмо, написанное от скуки, доставило вам миллион неприятностей. Я, честное слово, уже съел от досады свою шляпу! И если вы попросите меня спрыгнуть с крыши, я это сделаю! Клянусь! Но, может быть, вы все-таки сжалятся надо мной и пошлете мне ваше прощение, я вас рассмешу. Правда! Признайтесь, вы так сердиты лишь от того, что никто давно вас не смешил? Ваш Д. (Скажу вам честно, что я не Мистер Гималайский. Я вообще не мистер и хочу лишь одного – чтобы вы меня простили.)»

Как бы вы, дорогой читатель, отреагировали на такое письмо? Я улыбалась. Я улыбалась впервые за эти несколько долгих месяцев. Как будто впервые кто-то живой проходил мимо башни, в которой я сидела в заточении, и в замочную скважину спросил тихо: «Как ты? Дышишь?» А я в ответ крикнула: «Да, дышу!»

И я ему ответила. Началась переписка. Целых полтора года я была для него просто «журналисткой из Питера», а он для меня – умным человеком, писавшим мне письма по-русски из неизвестного города неизвестной страны. Никаких подробностей. Да они, кажется, были нам не нужны. Он писал длинно и красиво, строил изысканные фразы. Порой я думала, что мой визави – реинкарнированный Лев Толстой. Иногда я спрашивала его: «Кто ты? Откуда?», на что неизменно получала один и тот же ответ: «Придет время, и ты узнаешь».

Вы можете сказать, что все это банально... Что Интернет для того и был создан: каждый, кто в данный момент не занят построением супружеского счастья или выполнением профессионального долга, может оставить здесь свой невечный след и развеять скуку, только и всего. Что это общение – лишь суррогат по сравнению с живым человеческим теплом. Но это моя реальная жизнь была тогда лишь суррогатом, в которой я была предательницей, сердце которой стучит в странном ритме. А настоящая жизнь, яркая и непредсказуемая, была здесь, в наших письмах.

Я жила и почти летала от счастья: где-то там, в неизвестной дали, жил человек, для которого я была маяком в море предсказуемой жизни. Каждое письмо я ждала затаив дыхание. В то памятное утро я открыла свою электронную почту и с уже ставшей привычной радостью прочитала его письмо: «Я не говорил этого тебе раньше. В этом не было смысла. Но сейчас, чтобы не обманывать тебя, скажу. Я счастливо женат, и у меня есть дочь. Но я хочу, чтобы ты знала: ты мой друг, настоящий друг».

И вы знаете, дорогой читатель, я не почувствовала ничего. Я просто приняла это к сведению. Выключила компьютер и отправилась в редакцию. Но на пороге редакции мое сердце сначала подпрыгнуло вверх, потом упало вниз и застучало в таком бешеном и предательском ритме, как никогда раньше. Я сползла по стенке и потеряла сознание. Кто-то вызвал «Скорую», меня отвезли в больницу. И там, через несколько недель, наполненных мучительными диагностическими процедурами, консилиум вынес странный и неправдоподобный вердикт: «Нужна операция».

Услышав это, я взяла телефон и написала Алексею сообщение. Оно состояло только из одного слова «Помоги».

Уже на следующее утро, пусть и очень злой, он сидел на моей больничной кровати, сосредоточенно листая записную книжку. И через несколько часов, благодаря его протекции, меня перевели в небольшую частную клинику. Здесь было мало пациентов и много врачей. Улыбчивые медсестры неслышно скользили по коридорам, за окнами мягко шептали зеленые кроны старинного парка, а по ночам, заходясь от любви, пели соловьи.

Всю неделю, пока я находилась там, Алексей был с Яриком. Впервые за год разлуки отец и сын увидели друг друга. И были счастливы. А я, все больше теряя силы, безучастно лежала в постели, обвешанная датчиками.

9

Однажды вечером мой лечащий врач Анна Дмитриевна позвала меня в парк на прогулку. Мы медленно брели по мягким от молодой травы тропинкам, вдыхая терпкий аромат влажной земли. Она говорила громко, чеканя каждое слово:

– Знаешь, моя дорогая, я не буду делать тебе никаких операций. Но ты можешь и дальше тут лежать и помирать. Гарантирую: ты можешь достичь в этом успеха. Была у меня такая в прошлом году. От любви померла. Натурально, дура такая, померла! Встань, наконец, и сделай какую-нибудь глупость! Влюбись, разлюбись, поменяй работу, квартиру! Это в старинных романах герои красиво чахнут от любви. В жизни это выглядит ужасно. Поверь моему стажу! Значит, так: я выпишу тебе кое-какие таблетки. Подлечим депрессию. А дальше, милая, действуй сама! Меняй свою жизнь! Меняй мысли, разберись с окружением. Найди себе мужика, в конце концов! Только чтобы в больницах духу твоего больше не было! Поняла? Все! Советов больше давать не буду. Сама не знаю, как надо жить правильно. И еще. Сегодня в больницу позвонил один человек. Он сказал, что ты хорошо его знаешь. Он оставил номер своего телефона. Номер не питерский, но ты можешь позвонить ему из моего кабинета. И еще. Он прислал тебе вот это.

Анна Дмитриевна передала мне внушительный пакет, в правом углу которого в качестве адреса отправителя значились слова: Париж, Франция. И ниже от руки было написано: «От Давида». Прямо тут, в парке, дрожащими руками я разорвала конверт. Это был толстый путеводитель по Парижу! А внутрь книги было вложено письмо с предложением приехать к нему на несколько недель, на Рождество, в Париж.

Когда я позвонила по указанному номеру телефона, мне ответил взволнованный мужской голос. Это был Давид.

– Ты прости меня, идиота. Надеюсь, что все еще можно поправить. Ты не ответила на мое последнее письмо, и я испугался, что потерял тебя. Я искал тебя два месяца. Очень долго. И нашел. И больше не хочу терять. Приезжай ко мне на Рождество. Будь моей гостьей. Будь гостьей нашей семьи. Только будь...

10

– Мадам, соблаговолите вернуться обратно в Париж! – Давид помахал ладонью перед моим лицом, отвлекая меня от воспоминаний, – вы споткнулись уже три раза. Так и до окончательного падения недалеко!

И я вернулась в Париж.

На улицах было уже довольно много прохожих: кто-то спешил на работу, кто-то – за свежей провизией, благо эта живописная улица была полна уютными лавочками, где продавалась разнообразная снедь. Пройдя несколько шагов, я с удовольствием ощутила восхитительный аромат. Он исходил из магазинчика неподалеку. Над входом красовалась надпись «La boulangerie». Я остановилась перед вывеской и шевелила ноздрями, как гончая, идущая по следу.

Давид понял, что я не устояла перед главным парижским искушением – запахом свежего хлеба, доносившимся из булочной.

– Что ж, давай зайдём и я представлю тебя Жаку, – предложил Давид.

– Давай, – ответила я, не имея ни малейшего представления, кто это.

Мы вошли в булочную. За прилавком в высоком белом колпаке стоял немолодой мужчина, а перед ним в плетеных корзинах были разложены румяные горячие багеты, теплые сло-

еные булочки с разнообразными начинками, воздушные десерты и еще что-то такое, чего мне раньше видеть не доводилось.

Булочник немедленно приветствовал нас ворохом утренних французских восклицаний, из которых я почти ничего не поняла.

– Говори: Бон Матён, Жак! – шепнул Давид мне на ухо.

Я послушно повторила, после чего Жак разразился целой речью на красивом, но, увы, совершенно не понятном мне языке. Давид объяснил Жаку, что я его русская подруга, приехавшая в Париж впервые. Жак в ответ зацокал языком и немедленно, со знанием дела, произнес:

– О-ла-ла, мадемуазель, тре жоли!

Затем он вручил мне конфетку в золотистой обертке и лукаво подмигнул. От неожиданности я поблагодарила учтивого Жака по-русски, на что Жак поцеловал мою руку и протяжно произнес:

– Паажяялююстаа.

Давид пресек поток наших взаимных любезностей:

– А теперь, пока старина Жак не сделал тебе предложения руки и сердца (он довольно часто женится), пожалуй, пойдем дальше. Оревуар, Жак!

Так Давид представил меня всем молочникам, булочникам, мясникам, имевшим свои лавки на этой улице. И перед тем, как мы нырнули в метро, он заговорщицки произнес:

– Ну что, Мари. Теперь ты здесь свой человек.

11

Началась моя первая неделя в Париже, и всю эту неделю я честно пыталась быть обычной туристкой. В качестве главного блюда на этом пире мне был подан тот самый декоративный Париж: Эйфелева башня, Лувр, Музей Карнавалэ, набережные Сены, выставки фотографий, современный французский кинематограф, магазинчики комиксов, блошинные рынки.

Давид и Камилла поделили дни моего пребывания здесь между собой: пока один сидел с Изабель, другой путешествовал со мной по Парижу и окрестностям. Дни, когда гидом был Давид, были особенными. Мы говорили о литературе, искусстве, философии. Мы проходили огромные расстояния по узким средневековым улицам и по широким проспектам, не замечая, как день сменяется вечером. Хотя Давид, привыкший дарить Париж своим новым знакомым, не забывал устраивать для меня целые представления. Вроде того, когда он словно из кармана вынул Эйфелеву башню.

Париж закружил меня в своем невероятном танце, соблазнил, лишил воли, опоил сладким дурманом. Давид хорошо знал, как это делается. Это была игра с давно известными правилами. Невзрачные тесные улицы сначала дурманили запахами чужих тайн, а потом неожиданно выталкивали на туристические тропы, которые, в свою очередь, сменялись роскошью широких проспектов с огромными витринами. Скверы и сады плавно перетекали в фешенебельные районы со всеми атрибутами красивой жизни. Улица Сен Дени, рю де Риволи, Пляс де ля Конкорд, остров Сите, Люксембургский сад... Чашка горячего шоколада, круассан, сэндвич и снова бесконечные часы кружения по городу. Я изо всех сил сопротивлялась этому сладкому дурману. Ведь рано или поздно (а это было подтверждено датой вылета на моем билете) Париж закончится, и все вернется на круги своя.

Макияж, наряды, украшения... Весь этот женский арсенал я сознательно оставила дома, в Петербурге. Здравый смысл говорил мне: для того чтобы быть желанным гостем в доме Давида и Камиллы, мне следовало не выказывать никакого женского кокетства. Правда, трудно было забыть о том, как билось мое сердце, когда я получала письма от Давида. И, конечно, я запретила себе ловить его пристальные взгляды здесь, в Париже. Сказала же Изабель: «Это папин

друг». Я должна была оставаться именно им – папиным другом. Ради семьи своего друга. Ради самого друга. Да и ради себя самой.

Но механизм сближения уже включен, и его невозможно остановить.

Давид тоже понимал: на этот раз все складывается иначе, чем обычно, когда к нему приезжали прежние гости. Тогда он был хозяином положения, и все происходило по его сценарию. Отношения двигались по той схеме, которую он нарисовал у себя в голове. Переписка, ни к чему не обязывающее общение. Максимум – маленький флирт, и, к общему удовольствию, – скорое расставание. В этот раз эта проверенная схема то и дело давала сбой. И это злило его. Так злило, что он делился этим со мной. Будто надеялся, что я окажусь разумней его и удержу наши отношения в дружеских рамках. Так же считала и моя совесть, но ее голос слабел. И мы с Давидом стремительно становились друг для друга все ближе и дороже.

Дни, которые я проводила в Париже с Камиллой, как ни странно, были для меня ужасно интересными. Хотя сначала, когда они решили гулять со мной по очереди, я почувствовала укол досады: ведь я приехала к тебе, Давид, и я совсем не хочу гулять с твоей женой! Но уже через час общения с ней я поняла, почему Давид выбрал эту женщину.

Точно так же, как и с Давидом, мы с Камиллой бесконечно ходили по городу и бродили по музеям. Камилла была настоящим ученым, интеллектуалкой. Казалось, нет такого европейского языка, на котором Камилла не говорит. Но самое главное, что было в Камилле, так это ее бесконечная мудрость. Она ни о ком не говорила за спиной, никого не осуждала и любое явление – будь то добро или зло – рассматривала как течение жизни. Она была отличным наблюдателем.

Иногда, после музеев и галерей, мы сидели с ней в кафе, пили вино и болтали обо всем на свете. Но в основном мы говорили о Давиде. Камилла любила говорить о нем. Ее безупречный русский, лишь чуточку приправленный нежным акцентом и редко встречающимися смешными несуществующими в русском языке словечками, ласкал мой слух. Из ее рассказов прорастал образ Давида – такой, каким видела его она, Камилла.

Она любовалась им. Всегда. Высокий, пронзительно-черноглазый, стремительный и основательный. Сильные руки, широкие плечи. Она всегда была настроена на его частоту, на его волну. Какое бы расстояние ни разделяло их, она всегда чувствовала, что они вместе.

Камилла познакомилась с Давидом – новоиспеченным студентом – в далеком октябре девяносто четвертого года. Улыбаясь, она вспомнила, что в тот день с реки дул пронзительный осенний ветер. Приехавший в Париж всего месяц назад Давид продирался сквозь дебри какого-то учебника, сидя на ступеньках набережной Анатоля Франса. Мимо Давида пробегали неугомонные туристы, неслышно скользили влюбленные парочки. А рядом с ним пристроилась веселая компания – шумные студенты. Среди них была и Камилла.

Камилла улыбнулась, вспомнив себя девятнадцатилетнюю, образца девяносто четвертого. Девушка с чисто выбритой головой. В знак протеста. Против чего? Она уже не помнит. Главное, что это был протест, выбритая начисто голова, очки и мешковатая куртка.

Камилла вместе с компанией юношей и девушек – ее однокурсников – отмечали первый сданный экзамен. Девушки-интеллектуалки, в очках, в вытянутых свитерах, с наскоро подведенными глазами, хорошо понимали, что вызывали в своих однокурсниках – жизнерадостных молодых людях – сладкое желание. И Камилла была одной из этих юных соблазнительниц, похожих на разноцветные фрукты с бархатной кожицей. Ее компания оживленно гудела, дымила дешевыми сигаретами.

В тот день Камилла отчаянно мерзла. И уже хотела уходить, как вдруг ей на спину опустилось теплое облако. Она обернулась. Это Давид, заметивший незнакомую озябшую студентку радикального вида, неслышно подошел к ней и накинул поверх ее куртки свой свитер, все еще хранивший тепло его тела.

Камилла снова улыбнулась, вспомнив, как Давид произнес свое *Bonsoir*. С совершенно жутким акцентом. Это показалось ей трогательным. Они разговорились. Он говорил довольно сносно, хотя и чудовищно коверкал слова. И почему-то Камилла сразу выбрала его. Безоговорочно. И он выбрал ее.

Камилла в тот же день пригласила его к себе домой. Две электрички, пятьдесят минут пешком, почти бегом. И они оказались в буржуазном парижском предместье, на берегу реки. Камилла помнит, как, увидев ее дом, Давид удивился: внешне она была похожа на хиппи, а оказалась профессорской дочкой, живущей в фешенебельном особняке в дорогом пригороде Парижа. И еще его изумил ее папа-профессор. Он, случайно встреченный ими на кухне, не задал дочери ни одного вопроса, а ему – чужаку Давиду – сердечно и крепко пожал руку.

Здесь, в комнате Камиллы, под самой крышей они и провели много-много часов, не помня о времени.

Они занимались любовью. Потом Камилла рассказывала Давиду о том, как несколько лет работала волонтером в Бангладеш. О том, что ненавидит фашистские правительства и что мечтает заниматься наукой всю жизнь.

Скоро они поженились. Кажется, не прошло и полугода. Простая церемония в мэрии. Камилла хорошо помнила косой взгляд мэра на грузинский паспорт Давида. Так он стал ее мужем.

Конечно, она не думает, что у них идеальный брак. Она человек науки и, к счастью, избавлена от иллюзий. Давид – эмигрант. И во Франции у него есть только она. Так что Давид хоть и любим, но все же порой чувствует себя одиноким.

Давид привез это одиночество с собой. Порой берет его в союзники и тогда подолгу сосредоточенно играет на своей американской электрогитаре или, не шевелясь, слушает птиц в лесу, застывая во время утренней пробежки. Но иногда он то мается, как бессловесный зверь, запертый в клетке, то хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. И пишет кому-то длинные письма, а потом нетерпеливо ждет ответа. И получив его, читает, близко-близко наклоняясь к экрану компьютера, еле заметно шевеля губами, и тогда его мир снова приходит в порядок.

13

Это вижу даже я: Давид и Камилла – виртуозный дуэт. Его партия – страстная мелодия, несущаяся вперед и сметающая все на своем пути. Эффектные стаккато, фортиссимо, крещендо... Ее дело – идеальный ритмический рисунок, основа. И пусть они противоположности, оба знают, что соединены этой музыкой навсегда.

Но сейчас я вижу, как она иногда морщится, словно эта музыка то и дело нарушается слабым, слышным только ей неприятным звуком. Похожим на звук будильника. Как будто он заставляет ее помнить о чем-то таком, о чем ей хочется забыть. Но Камиллу не так легко вывести из равновесия. Все-таки она без пяти минут доктор наук, и терпения ей не занимать. Придет время, и она все проанализирует и разложит по полочкам. А мне страшно. Я-то знаю: этот дисгармоничный тревожащий звук будильника – мое появление здесь.

На это мое немое умозаключение Камилла вдруг отвечает так, будто она читает мои мысли.

– Знаешь, а ведь ты не первая русская в нашем доме...

Меня эта фраза ошеломляет, больно ударяет, ломает мне крылья. Я внимательно смотрю Камилле в глаза. И не вижу в них желаний обидеть меня. Просто она вот так запросто рассказывает мне о них. Буднично и без эмоций.

Камилла хорошо помнит первую русскую Давида, Светлану из далекой Сибири. Светлана была сестрой какого-то школьного товарища мужа. Давид почти не помнил лица своего това-

рища, но сестру его запомнил хорошо – слишком уж она была заметной. Приехав во Францию, она тоже пыталась поступить в Сорбонну, но так и не осилила даже самых основ французского языка. Давид показывал ей Париж, учил правильному французскому произношению и этому особому парижскому выговору.

Светлана хохотала, все время поправляла свои роскошные каштановые волосы и гипнотизировала Давида пристальным взглядом. Она жила у них в квартире целых две недели.

Каждый вечер она тащила Давида на прогулки по темным улицам, и возвращались они далеко за полночь. Но исчезла она так же неожиданно, как и появилась. Просто объявила однажды за обедом, что самолет завтра в восемь утра и провожать ее не нужно. Давид после ее стремительного отъезда какое-то время словно пребывал в растерянности, но обыденная жизнь быстро излечила его. Правда, еще несколько недель Давид по вечерам подолгу не ложился спать или, сидя в наушниках, неслышно перебирал струны электрогитары, иногда он что-то писал в потрепанной тетради или наблюдал за звездами в любительский телескоп.

Только спустя пару месяцев Камилла, выбрав подходящее время, спросила мужа: «Ты в порядке?» В ответ Давид кивнул: «Да». Камилле этого было достаточно.

Второй была дама бальзаковского возраста из маленького белорусского городка. Давид сделал ей подарок: пригласил в Париж. Он водил ее на концерты классической музыки, пугал авангардными постановками в небольших экспериментальных театрах. Она подолгу задерживалась в книжных магазинах, листая книгу за книгой и жалея, что не понимает ни слова.

Потом были чья-то подруга, бывшая жена одноклассника и, кажется, какая-то неизвестно откуда взявшаяся несчастная девушка. И все они приезжали к нему, всех их Давид неизменно очаровывал, покорял, одаривал. Они приезжали к ним в дом, и Давид сразу давал им почти смертельную дозу Парижа. Он обрушивал на них бриллиантово переливающуюся в ночи Эйфелеву башню, цветущие сады Тюильри, Сену, подернутую предрассветным туманом – поддельное парижское великолепие, живущее только на обложках путеводителей, в мечтах путешественников и в кошельках бизнесменов, торгующих телом Парижа, как сутенеры – продажными женщинами. Но в конце концов все его гости тонули в пучине забвения вместе со своими жизненными коллизиями и именами.

Камилла наблюдала. К тому же она прекрасно знала, что настоящий Париж умело скрывается от глаз зевак. От глаз гидов и экскурсантов. Это тайное, внебрачное дитя художников, писателей, фотографов, бродячих поэтов, уличных музыкантов, артистов крошечных убыточных театров, показывается только зорким циникам, которые умеют видеть сквозь непроницаемый глянец выдуманной изящной французской столицы.

Давид получил этот истинный Париж в подарок от нее, Камиллы. Они сделали Париж своим первым семейным секретом. Давид прошел этот обряд посвящения в букинистических лавках, пропахших плесенью; в кинозалах, где идут фильмы на корейском, китайском и арабском языках, на уютных посиделках с бородатыми художниками и сумасшедшими учеными всех мастей. Париж – это их тайна, он скрепил их союз крепче церковных обрядов и брачных клятв.

Так что пусть у Давида будет ровно столько гостей, сколько ему нужно. И пусть он принимает их у себя, побеждает, спасает и доказывает что-то самому себе, воссоединяясь ненадолго с приезжающими *оттуда*... Но ни одна из них никогда не проникнет в их святая святых – в их Париж и в их семью.

Камилла молчит, а потом, видимо, чтобы подсластить только что данную мне пилюлю, добавляет, как самая обычная домохозяйка:

– Представляешь! Перед твоим приездом мы перекрасили стены, заново побелили потолок и развесили по стенам картины. Нам их целую вечность назад подарил наш друг-художник Жан-Мари. У Давида все не доходили руки. А перед твоим приездом вдруг дошли...

Время шло. То, чего мы с Давидом усердно избегали, все-таки накрывало нас с головой. Когда наши руки соприкасались, через тела словно проходил электрический разряд.

Наверное, поэтому мы бесконечно говорили о политике и искусстве. Это была последняя и решительная попытка остаться в спасительном кругу дружеских разговоров.

Однажды Давид сказал мне:

– Хочешь, пойдем, поглазеем на то место, откуда не вылезают модные парижанки?

Бескрайний торговый центр был похож на муравейник. Точнее сказать, гламурный муравейник. Люди с пакетами сновали туда и сюда. Элегантные женщины. Девушки с ярким макияжем и одетые по последнему писку моды. Красивые мужчины и веселые дети.

– Мари! Я хочу купить тебе платье. Если тебе так угодно, то это подарок не тебе, а мне. Мне хочется увидеть тебя не в твоих вечных джинсах, а в платье. Понимаешь? И еще я хочу, чтобы ты сама увидела себя в платье. И добавил: – Я выберу сам.

Я осмотрелась. Десятки платьев всех цветов радуги производили на неподготовленного покупателя сильное впечатление. Продолжая держать мою руку, Давид подошел к продавщице и подробно объяснил ей, чего он хочет. Продавщица с восхищением и открытой улыбкой смотрела на него, а в конце даже рассмеялась звонким серебристым смехом. «Уи, месье! Бьен сюр, месье!»

Стараниями молодой продавщицы, очарованной Давидом, перед моим взором стаей бабочек и птиц промелькнули все платья, которые только были в этом магазине. Давид выбрал из этого многоцветья несколько нарядов и вручил их мне для примерки.

В примерочной я сняла с себя привычный свитер, скинула джинсы. И почувствовала себя змеей, расставшейся со старой кожей. Стоя перед зеркалом в одном белье, я перебирала ворох платьев, принесенных мне Давидом.

Наугад, не задумываясь, взяла одно из платьев (темно-синее, очень простого покроя) и поднесла его к лицу. От платья исходил тонкий, едва уловимый, аромат духов. Видимо, совсем недавно его примеряла какая-то парижанка с отличным вкусом и, возможно, безупречным маникюром. И мне захотелось примерить именно это платье. Оно удивительно хорошо легло по фигуре, подчеркнув все, что нужно. От восторга у меня захватило дух. Я надела синие атласные туфли на высоком каблучке, которые будто специально для меня были оставлены в примерочной, и... Возможно, мой дорогой читатель обвинит меня в нескромности, но я была великолепна. Настолько великолепна, что мне оставалось только чуть подкрасить губы и добавить румянца. Что я и сделала прямо здесь. Предчувствуя триумф, я глубоко вздохнула и вышла к ожидавшему меня Давиду.

Молодая продавщица отреагировала первой:

– О, тре бьен, мадмуазель! Тре бьен! – и в подтверждение своих слов изобразила что-то вроде аплодисментов.

Давид же, не мигая, смотрел на меня и молчал, по всей видимости, он немедленно задался вопросом: как же случилось так, что какой-то небольшой кусочек синей ткани в мгновение ока превратил меня из просто Мари в королеву красоты. (Конечно, есть вероятность, что он думал другое, но мне больше нравится эта версия.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.